

А
КОНВЕНЦИЯ НЕЗАВИСИМЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ
ЦЕНТР НЕЗАВИСИМЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Уйти, чтобы остаться

Социолог в поле

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2009

УДК 303.442
ББК С.5.0.4
У40

Уйти, чтобы остаться: Социолог в поле: Сб. ст. / Под ред. У40 Виктора Воронкова и Елены Чикадзе. — СПб. : Алетейя, 2009. — 148 с. — (Серия «Качественные методы в социальных исследованиях»).

ISBN 978-5-91419-255-3

В сборнике представлены размышления социологов о полевой работе, о собственном опыте преодоления трудностей, о своих ошибках и находках. Книга интересна не только для социальных исследователей, но и для широкого круга читателей, которые смогут составить впечатление о романтике социологического исследования.

УДК 303.442
ББК С.5.0.4

ISBN 978-5-91419-255-3

9 785914 192553

© Коллектив авторов, 2009
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2009
© «Алетейя. Историческая книга», 2009

Виктор Воронков

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПОЛЕВОМ ИССЛЕДОВАНИИ (ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ)

Без полевой работы нет социолога

Предлагаемая вниманию читателя книга ни в коей мере не претендует на статус справочника или сборника рецептов для социологов, собирающих материалы для анализа при помощи «антропологических» методов.¹ Такой справочник вряд ли вообще возможен. С моей точки зрения, полевая работа не может быть жестко регламентирована. Разумеется, описание тех или иных рекомендуемых правил, которым должно следовать в поле, кочуют из одного учебника в другой.² Однако разнообразие жизненных миров и социальных ситуаций неисчислимо, так что всегда найдется случай, когда все известные рекомендации нисколько не помогут Вам найти подход к выбранному сообществу и «прожить» в нем в процессе исследования. Часто приходится действовать вопреки устоявшимся правилам. Задача исследователя заключается в том, чтобы понять логику полевой работы, постоянно включать «здравый смысл» — важнейший инструмент социолога — и уместно использовать те или иные методы.

Без полевой работы нет социолога. В чем собственно заключен смысл нашей профессии? В фокусе внимания социолога — социальное действие. «Социальным действием мы называем действие человека (независимо от того, носит ли оно внешний или внутренний характер, сводится ли к невмешательству или терпеливому приятию), если и поскольку действующий индивид или индивиды связывают с ним субъективный смысл» (Вебер, 1990:602). Человек действующий — объект внимания социолога, ибо именно своими действиями человек создает структуры, слои, властные ритуалы, символы и т. д. Подтвержденное смыслом действие есть ничто

---

¹ Впрочем, я не разделяю представлений о жестких границах между социальными науками. Имея явные различия в своем генезисе, социология и социальная антропология (этнология) сегодня, на мой взгляд, представляют единую науку с одним и тем же объектом исследования и применяемыми методами. Антропологический поворот в социологии 1970-х годов заставил по-иному взглянуть на методологию, а проявившийся интерес антропологов к собственному обществу сделал границу между этими науками прозрачной и маркированной лишь институциональными рамками.

² На русском языке я рекомендовал бы начинающему исследователю следующие книги: *Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А.* Качественные методы. Полевые социологические исследования / Под ред. И. Штейнберга. СПб.: Алетей, 2009; *Ильин В. И.* Драматургия качественного полевого исследования. СПб.: Интерсоцис, 2006; *Полевая кухня: как провести исследование* / Под ред. Н. Гончаровой. Ульяновск, 2004.

иное, как следование правилу. Задача социолога состоит в том, чтобы установить смысл, связанный с этим действием. Цель «качественной» социологии — поиск правил, которые регулируют социальные действия. Человек всегда действует с ориентацией на правила, которые он усвоил в процессе социализации. Каждая социальная среда создается правилами действия и взаимодействия. Работа социолога напоминает работу лингвиста, пытающегося расшифровать и изучить неизвестный дотоле язык. Что делает лингвист в этом случае? Он по крохам собирает тексты, написанные на неизвестном языке, тщательно их анализируя и сравнивая до тех пор, пока грамматические правила языка не станут ему ясными. Социолог также собирает «тексты», наблюдая действия исследуемых им людей, регистрируя свои наблюдения в полевых записях и пытаясь обсуждать увиденное непосредственно с информантами из этой среды, пока ему не становятся ясными правила, определяющие их повседневные действия.

Методологически авторы этой книги придерживаются позиций понимающей социологии и рассматривают социальную реальность как разнобразие «жизненных миров». Каждый воспринимает мир и вещи в этом мире, исходя из позиции, в которой он находится, исходя из определенной перспективы. Осмысление мира повседневности возможно благодаря механизму типизации опыта. Типизация же изменяется от группы к группе, а также внутри группы с течением времени. Иностранец, незнакомый с нашей «культурой», понимает вещи и инструменты, которые нами используются и типичное употребление и значение которых для нас само собой понимаются, совершенно иначе, нежели их воспринимаем мы. Аналогичное происходит с нами, когда мы попадаем в чужой социальный мир. Интерпретируемый людьми мир может быть понят только тем, кто интерпретирует его сходным образом. Такие интерпретации передаются в процессе социализации и безмолвно овладевают нами (Шютц, 2004).

Можем ли мы выяснить у наших информантов непосредственно то, какими правилами они руководствуются в тех или иных повседневных ситуациях? Вероятно, наши расспросы (интервью) помогут понять лишь небольшую часть всей совокупности применяемых правил. Чаще всего, люди не рефлектируют по поводу базовых правил социальной рутины, большинство практик являются для них фоновыми. Если вернуться к примеру с лингвистом, столкнувшимся с незнакомым языком, то вряд ли ему удастся выявить грамматические правила этого языка лишь в процессе интервью. Многие ли из нас в состоянии с ходу сформулировать большую часть правил грамматики родного языка? Мы их можем и не знать вовсе (в школе учились плохо, например) или совершенно забыть. Но говорим-то мы правильно! Что же у нас может выяснить посредством интервью заезжий лингвист?! Лучший способ изучения чужого языка — погружение в среду носителей. На наш взгляд подобный метод хорош не только в лингвистической дидактике, но и в социологическом исследовании.

Именно потому интервью хорошо только как вспомогательный, хотя и необходимый в большинстве случаев, инструмент в социологической работе. Оно лишь частично в состоянии помочь нам достичь поставленной цели. Полевая работа это нечто большее, нежели сбор интервью или регистрация наблюдения. Если мы хотим действительно понимать наших информантов, нам придется встроиться в их жизнь.

Участвующее наблюдение — важнейший социологический метод

Процесс выявления значений вещей или идей предполагает активность наблюдателя, который хотел бы понять эти значения. Отсюда следует неизбежность участвующего наблюдения как важнейшего из социологических методов. Все наши исследования исходят из того, что 1) действующие субъекты приписывают определенный смысл своим действиям, 2) этот смысл определяет или, по крайней мере, участвует в определении этих действий, 3) понимание этого смысла необходимо для объяснения социальных феноменов. Венский социолог Роланд Гиртлер убедительно обосновывает преимущества исследователя, использующего метод участвующего наблюдения для сбора данных (Girtler, 1992:21–23). Путем постепенного сближения своего восприятия с интерпретациями членов исследуемого сообщества исследователю удастся «понять» и «объяснить» их действия. Через «со-переживание» действий другого исследователь становится в состоянии понимать те смыслы, которые приписывает своим действиям этот другой. Аналогичным образом социолог знакомится с «запасом знаний» (правилами) исследуемой общности, чтобы наблюдаемые им действия «понять» и «объяснить».

Здесь следует поставить важный методологический вопрос: как исследователь, осуществляющий участвующее наблюдение, может убедиться в том, что он зафиксировал «правильные» правила или адекватные интерпретации? Исследователь, обремененный профессиональными знаниями, культурными стереотипами и идеологическими установками, неизбежно приносит в поле какое-то априорное понимание, которое может тормозить сам процесс познания. Разумеется, исследовательская ситуация не может быть *tabula rasa*. Конечно, хорошо бы на время эмпирической работы «забыть» все, что мы знали об объекте исследования до выхода в поле. Хотя полное исключение предварительного понимания, разумеется, невозможно, но к этому, на мой взгляд, следует стремиться. Наблюдающий, во всяком случае на время, должен отстраниться от своей научной позиции, он должен контактировать в исследуемой группе как человек среди себе подобных (Шютц, 2004).

На наш взгляд, это один из параметров борьбы с идолами, искажающими видение социальной реальности, трансцендентной познающему субъ-